

РЯДОМ СО СТАЛИНЫМ

П. А. ЖУРАВЛЕВ

ДВЕСТИ ВСТРЕЧ
СО СТАЛИНЫМ

Рядом со Сталиным

Павел Журавлев

Двести встреч со Сталиным

«Алисторус»

2012

Журавлев П. А.

Двести встреч со Сталиным / П. А. Журавлев — «Алисторус», 2012 — (Рядом со Сталиным)

Период жизни нашего народа и государства, связанный с именем и деятельностью И.В. Сталина, вызывает живейший интерес у всех, кого волнует сегодня прошлое Отечества, и будет всегда привлекать внимание своей масштабностью и трагизмом событий, героизмом и величием свершений. Автор этой книги П.А. Журавлев на протяжении более трех десятков лет собирал материалы о личных встречах со Сталиным выдающихся деятелей сталинской эпохи. В результате у него образовалось «досье» о встречах со Сталиным полководцев Г.К. Жукова, А.М. Василевского, К.К. Рокоссовского, И.С. Конева, К.А. Мерецкова, К.Е. Ворошилова, С.М. Буденного и др.; наркомов А.И. Шахурин, И.Т. Пересыпкина, А.Г. Зверева и др.; конструкторов А.С. Яковлева, В.Г. Грабина и др.; дипломатов А.А. Громько, В.М. Бережкова и др.; известного полярника И.Д. Папанина, писателя К.М. Симонова. Описания встреч с И.В. Сталиным в 1906–1953 гг. этих интересных самих по себе личностей, расположенные в хронологическом порядке, и составили настоящую книгу.

© Журавлев П. А., 2012

© Алисторус, 2012

Содержание

К читателям	5
Часть I	7
1906 год	7
1907 год	8
1917 год	9
1919 год	10
1920 год	11
1922 год	13
1924 год	20
Часть II	22
1928 год	22
1929 год	24
1930 год	26
1931 год	27
1932 год	28
1935 год	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Павел Александрович Журавлев

Двести встреч со Сталиным

Я знаю, что, когда меня не будет, не один ушат грязи будет вылит на мою голову. Но я уверен, что ветер истории все это развеет.
И.В. Сталин

К читателям

Период жизни нашего народа и государства, связанный с именем и деятельностью И.В. Сталина, вызывает живейший интерес у всех, кого волнует сегодня прошлое Отечества, и будет всегда привлекать внимание своей масштабностью и трагизмом событий, героизмом и величием свершений.

Сложная, неоднозначная и трагическая личность самого И.В. Сталина, оказавшего серьезное влияние на ход мировой истории, станет темой всестороннего исследования еще не одного поколения как отечественных, так и зарубежных историков.

В 1953 году, когда умер И.В. Сталин, мне было 28 лет. Я, как и большинство моих сограждан, воспринимал его смерть как личное горе. Всех тогда охватило беспокойство о том, что будет дальше с нами и нашей страной, поколебалась уверенность в будущем. В нашем восприятии Сталин был человеком, возглавлявшим государство в течение долгих тридцати лет. Под его руководством это государство не только одержало победу в тяжелейшей войне с фашистскими захватчиками, но и проявляло постоянную заботу о своих гражданах, обеспечивало их работой, общедоступными бесплатными здравоохранением и образованием, стремилось обеспечить всех бесплатным жильем и детскими учреждениями и т. д. Я сам, рано оставшись без родителей, смог в нашем государстве без «взятки» и «мохнатых лап» получить высшее образование и интересную престижную работу в атомной промышленности, где очень скоро стал руководителем одного из важных коллективов.

После XX съезда КПСС у меня, как, наверное, и у многих людей моего поколения пробудился повышенный интерес ко всему, что могло бы помочь понять и осознать происшедшее и происходящее. Особое внимание привлекли начавшие выходить в те годы публикации с воспоминаниями людей, принимавших непосредственное участие в важнейших государственных, политических и военных событиях недавнего прошлого и близко знавших и лично встречавшихся с И.В. Сталиным и описавших эти встречи в своих мемуарах. Интерес этот был обусловлен тем, что однозначного поворота в моем сознании с «белого» на «черное» не произошло. Понимание грандиозности и величия свершенного И.В. Сталиным не допускало во мне такой метаморфозы. Ведь даже Уинстон Черчилль, выдающийся государственный деятель XX века, непримиримый идеологический противник Сталина, организатор интервенции против молодой Советской России, идеолог «холодной войны» и, в то же время, волею исторической судьбы соратник Сталина по борьбе с фашизмом во Второй мировой войне, уже после смерти И.В. Сталина и после XX съезда КПСС, 23 декабря 1959 года в речи, произнесенной в английском парламенте в связи 80-летием Сталина сказал:

«Большим счастьем для России было то, что в годы тяжелейших испытаний Россию возглавил гений и непоколебимый лидер И.В. Сталин. Он был выдающейся личностью, импонирующей нашему жестокому времени того периода, в котором протекала вся его жизнь. Сталин был человеком необычайной энергии, эрудиции, негнимои силы воли, резким, жестоким, беспощадным и, как в деле, так и в беседе, которому даже я, воспитанный в английском парламенте, не мог противостоять. Сталин обладал чувством юмора и сарказма, а также способ-

ностью четко выражать свои мысли. Статьи и речи он писал сам, и в его произведениях всегда звучала исполинская сила, эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался непревзойденным среди руководителей государств всех времен и народов. Сталин произвел на нас величайшее впечатление. Его влияние на людей неотразимо. Когда он входил на Ялтинскую конференцию, все мы, словно по команде, встали, и, странное дело, почему-то держали руки по швам. Он обладал глубокой, лишенной всякой паники логической и осмысленной мудростью. Он был непревзойденным мастером находить в трудные минуты пути выхода из самого безвыходного положения. В самые критические моменты, а также в моменты торжества был одинаково сдержан, никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал руками своих врагов, заставил даже нас, которых открыто называл империалистами, воевать против империалистов. Сталин был величайшим, не имеющим себе равных в мире диктатором, он принял Россию с сохой, а оставил ее оснащенной атомным оружием. Нет! Что бы ни говорили о нем, таких история, народ не забывает!»

В 1968 году во время прочтения первой книги С. М. Штеменко «Генеральный штаб в годы войны» я начал заносить в тетрадь описания личных встреч с И. В. Сталиным и не изменял этому «хобби» в течении более трех десятков лет. За это время в результате прочтения многих десятков мемуаров у меня образовалось «досье» на двести с лишним встреч.

Ю.А. Горьков в книге «Кремль. Ставка. Генштаб» опубликовал «Выписки из Журналов посещений И.В. Сталина в его кремлевском кабинете» за 1935–1945 годы. Только в первые дни войны, когда И.В. Сталин «растерялся и пьянствовал на даче», он принял – 22 июня – 28 человек, 23 июня – 21, 24 июня – 20, 25 июня – 29, 26 июня – 29, 27 июня – 28, 29 июня – 21 и т. д. Вот так «растерялся»!

Среди лиц, рассказавших о своих неоднократных или единичных личных встречах с И.В. Сталиным, военачальники Г.К. Жуков, А.М. Василевский, К.К. Рокоссовский, И.С. Конев, К.А. Мерецков, С. М. Штеменко, Н.Г. Кузнецов, Н.Д. Яковлев, К.Е. Ворошилов, СМ. Буденный, П.А. Ротмистров и др., наркомы-министры А.И. Шахурин, И.Т. Пересыпкин, А.Г. Зверев и др., политические деятели А.И. Микоян, Н.С. Патоличев, Н.М. Пегов, А.С. Чуянов и др., создатели военной техники А.С. Яковлев, В.Г. Грабин и др., дипломаты А.А. Громыко, В.М. Бережков и др., известные полярники И.Д. Папанин и К.С. Бадигин, писатель К.М. Симонов, а также другие выдающиеся люди.

Описания встреч с И.В. Сталиным в 1906–1953 годах этих, интересных самих по себе личностей, расположенные в хронологическом порядке, и составили настоящую книгу.

К сожалению период до 20-х годов представлен слабо из-за недоступности мемуарной литературы по тому времени.

Ныне вновь наступило время, когда люди разных поколений и возрастов, в том числе и молодые, стали проявлять интерес как к подлинной истории нашего Отечества, так и к личности И.В. Сталина. Так, в марте 2000 года в Санкт-Петербурге на научной конференции, посвященной 120-летию И.В. Сталина и мартовской годовщине его кончины, с участием большого количества молодежи, было сказано: «У современной молодежи украли подлинного Сталина».

На удовлетворение в какой-то степени этого интереса и рассчитан материал книги.

П.А. Журавлев

Часть I

Годы революционной деятельности (1906–1924)

1906 год

К.Е. Ворошилов, апрель 1906 года

На IV съезде РСДРП в издательстве «Вперед» нам доверительно сообщили, что из-за жестоких преследований революционеров по всей России созвать съезд внутри страны нет никакой возможности и что единственный выход – провести его за границей, в Стокгольме. <...>

В стокгольмском порту меня встретил наш человек и определил на жительство в небольшую комнатку на 2-м этаже одного из домов, в нижнем этаже которого располагалось какое-то питейное заведение – не то бар, не то ресторан. В эту же комнату вскоре поселили еще одного делегата съезда, по фамилии Иванович. Это был коренастый, невысокого роста человек, примерно моих лет, со смуглым лицом, на котором едва заметно выступали рябинки – следы, должно быть, перенесенной в детстве оспы. У него были удивительно лучистые глаза, и весь он был сгустком энергии, веселым и жизнерадостным. Из разговоров с ним я убедился в его обширных знаниях марксистской литературы и художественных произведений, он мог на память цитировать полюбившиеся ему отрывки политического текста, художественной прозы, знал много стихов и песен, любил шутку.

Мы подружились, и вскоре я узнал, что мой новый друг является грузином и зовут его Иосифом Виссарионовичем Джугашвили; он представлял на съезде грузинских большевиков и сам являлся непримиримым ленинцем. Так волею случая много десятков лет назад довелось мне впервые встретиться с человеком, который в дальнейшем под именем Сталина прочно вошел в историю нашей партии и страны, в историю международного коммунистического и рабочего движения. Долгие годы после смерти В.И. Ленина он возглавлял Центральный Комитет нашей партии, а в годы Великой Отечественной войны – Советское правительство и Вооруженные Силы СССР. Мне после этого не раз пришлось встречаться с ним, а после победы Октябрьской революции вместе воевать против белогвардейщины и иностранной интервенции, вместе с ним участвовать в работе высших органов партии и государства. Он прожил большую и сложную жизнь, и хотя его деятельность была омрачена известными всем крупными ошибками, я не могу говорить о нем без уважения и считаю своим долгом в последующем изложении своих воспоминаний, где это будет необходимо, правдиво сказать о нем все, что знаю и что навсегда сохранилось у меня в памяти.

К тому времени И.В. Джугашвили (Сталин) уже активно проявил себя как видный деятель большевистского направления в Закавказье, находился в заключении в Батумской и Кутаисской тюрьмах, был сослан в Восточную Сибирь и бежал из ссылки. На съезде он твердо отстаивал ленинскую линию на вооруженное восстание. Выступая на одном из заседаний съезда, он очень четко и ясно определил сущность наших расхождений с меньшевиками: «...или гегемония пролетариата, или гегемония демократической буржуазии – вот как стоит вопрос в партии, вот в чем наши разногласия».

*К.Е. Ворошилов. Рассказы о жизни.
Политиздат, М., 1971. С. 247–248.*

1907 год

К.Е. Ворошилов, 13.05–01.07.1907 года. (V съезд РСДРП)

Как и на IV съезде, В.И. Ленин почти каждодневно встречался с большевистской частью делегатов на фракционных собраниях. Эти сборы не имели официальной повестки и специального председателя, а скорее всего походили на товарищеские беседы единомышленников. <...>

Вспоминается первый такой сбор нашей большевистской фракции в Лондоне перед началом работы V съезда. Владимир Ильич попросил нас, делегатов с мест, сообщить о настроениях в местных партийных организациях, о наказах, данных ими своим делегатам, и высказать свои соображения о том, как распределяются голоса большевиков и меньшевиков в составе делегаций от различных районов страны. Сообщения сделали представители из Петербурга, Москвы, Урала, Кавказа; я очень коротко доложил о представителях Донбасса. Владимир Ильич внимательно слушал нас и делал какие-то записи в свой блокнот. Иногда он выражал сомнение в оценке того или иного товарища.

– Мы должны твердо знать, – сказал он, – кто будет поддерживать подлинно революционные требования, кто выступит против них и кто проявит колебания, примкнет к центристам, «болоту». По мере возможности мы будем переубеждать их, перетягивать на свою сторону.

На этом собрании я вновь встретился с Ивановичем (Иосифом Джугашвили – И.В. Сталиным), который участвовал в работе съезда с совещательным голосом. Мы сидели с ним в разных местах, он меня узнал и приветливо кивнул. А когда начался подсчет голосов в группе Кавказских делегатов, он внес свою поправку в сообщение М.Г. Цхакая, сообщив, что двое из делегатов, отнесенных им к меньшевикам, на самом деле еще не определили четко своих позиций и вполне возможно, что один из них будет примыкать к «болоту», а другого есть вероятность склонить на сторону большевиков. Чувствовалось, что Иванович хорошо знает близких ему людей, разбирается в их настроении и со знанием дела определяет свое мнение о том или ином человеке. В ходе работы он твердо стоял на ленинских позициях.

*К.Е. Ворошилов. Рассказы о жизни.
Политиздат, М., 1971. С. 350–351.*

1917 год

С.И. Гоннер, 21 апреля 1917 года

На апрельской конференции я впервые увидела и услышала Сталина. Во время обсуждения доклада Ленина о текущем моменте нам объявили, что сейчас один товарищ, который присутствовал на совместном заседании президиума Петроградского Совета и Временного правительства в Мариинском дворце, сделает информацию об этом заседании. Это были дни, когда еще не был ликвидирован первый кризис Временного правительства.

С информацией об этом совещании в Мариинском дворце выступил Сталин. В речи – простой, отличавшейся четкостью, лаконичностью – Сталин очень красочно рассказал, как министры – Гучков, Шингарев и Милюков ультимативно требовали прекращения большевистской агитации, обуздания солдат, крестьян и революционных рабочих, грозя отставкой. Метко звучали его слова о том, что Гучков и Милюков «хотели маленькой революции для большой победы». Факты, сообщенные Сталиным, хорошо иллюстрировали ленинскую оценку Временного правительства.

С.И. Гоннер. апрельская конференция.

Сборник «Октябрю навстречу». лениздат, 1987. С. 85–86

1919 год

И.В. Тюленев, 17 ноября 1919 года

17 ноября 1919 года Реввоенсовет Республики по докладу командования Южного фронта принял решение о переименовании 1-го конного корпуса Южного фронта в Конную армию РСФСР. В Реввоенсовет армии вошли К.Е. Ворошилов и Е.А. Щаденко, а затем бывший секретарь Царицынского комитета РКП(б) С.К. Минин.

Для официального оформления этого акта в село Великая Михайловка Старо-Оскольского района, где находился штаб корпуса, прибыло командование Южного фронта – А.И. Егоров и И.В. Сталин.

На объединенном заседании Реввоенсовета Южного фронта и корпуса командующий фронтом Александр Ильич Егоров зачитал приказ о переименовании 1-го конного корпуса Южного фронта в Конную армию РСФСР.

– Отныне, – сказал он, – штаб корпуса принимает на себя функции армейского организма и становится штабом Конной армии. Прошу врид начальника штаба Первой Конной армии С.А. Зотова доложить командованию Южного фронта обстановку и те задачи, которые выполняют части армии. <...> Члены реввоенсовета фронта одобрили доклад Зотова. И.В. Сталин сказал в заключение:

– Наша задача состоит в том, как правильно доложил товарищ Зотов, чтобы рассечь фронт противника на две части, не дать войскам Деникина, находящимся на Украине, отойти на Северный Кавказ. В этом залог успеха. И эту задачу командование фронта возложило на Первую Конную армию.

Задача очень ответственная, она потребует максимума сил и напряжения. Конной армии придется идти через Донбасс, где может не быть фуража. Но ее будет встречать пролетариат Донбасса, который ждет Красную Армию и отдаст все, что может... Руководство фронта примет, в свою очередь, меры к тому, чтобы обеспечить Конную армию всем необходимым.

На этом заседании СМ. Буденному было вручено Почетное революционное оружие (шашка) с орденом Красного Знамени на нем, а С.А. Зотову – золотые именные часы.

И.В. Тюленев. Через три войны. Воениздат, М., 1972. С. 89–90.

1920 год

К.А. Мерецков, май 1920 года

12 мая в РСФСР вновь ввели военное положение. <...> Сворачивались занятия на командирских курсах, и молодых красных офицеров досрочно направляли в действующую армию. Опустела и наша академия. В мае большая группа слушателей была откомандирована в Харьков, где находился штаб А.И. Егорова.

До Харькова мы добирались кто как мог. Одна из групп «академиков» (как нас называли в шутку) попала в вагон, который прицепили к поезду члена Реввоенсовета фронта И.В. Сталина. <...>

Прибыв в Харьков, мы отправились в штаб фронта. Его начальник Н.Н. Петин не пожалел для нас доброго часа. Он обстоятельно рассказал об обстановке, ввел в курс событий и упомянул, что служить мы будем в 1-й Конной армии. <...> И мы с нетерпением ждали минуты, когда вольемся в этот коллектив, овеванный боевой славой. Но начштаба повел нас сначала к командующему фронтом. Александр Ильич тепло напутствовал молодых генштабистов, после чего с нами пожелал встретиться И.В. Сталин.

В комнате Сталина беседа текла дольше. Мы сидели и отвечали на вопросы, а член Реввоенсовета фронта ходил, покручивая в руках трубку, неторопливо задавал вопросы, выслушивал ответы и снова спрашивал.

Сотни раз с тех пор беседовал я со Сталиным и в похожей и в иной обстановке, но, конечно, в тот момент о будущем я не мог и подозревать. Кто бы мог подумать, что наступит время, когда мне доведется в качестве начальника Генштаба, заместителя наркома обороны и командующего фронтами разговаривать с этим же человеком – Генеральным секретарем ЦК нашей партии, Председателем Совета Народных Комиссаров и Верховным Главнокомандующим! Однажды уже после Великой Отечественной войны, Сталин спросил меня: «Товарищ Мерецков, а с какого времени мы, собственно говоря, знакомы?» Я напомнил ему о поезде Москва – Харьков и о майской беседе 1920 года. Сталин долго смеялся, слушая, как я тогда удивился, что первый вопрос, который он задал группе генштабистов, касался того, знакомы ли мы с лошадьми. Действительно, разговор шел в тот раз сначала примерно такой:

- Умеете ли вы обращаться с лошадьми?
- Мы все прошли кавалерийскую подготовку, товарищ член Реввоенсовета.
- Следовательно, знаете, с какой ноги влезать в седло?
- А это кому как удобнее! Чудаки встречаются всюду.
- А умеете перед седловкой выбивать кулаками воздух из брюха лошади, чтобы она не надувала живот, не обманывала всадника, затягивающего подпругу? – Вроде бы умеем.
- Учтите, товарищи, речь идет о серьезных вещах. Необходимо срочно укрепить штабы 1-й Конной армии, поэтому вас туда и посылают. Тому, кто не знает, как пахнет лошадь, в Конармии нечего делать!

*К.А. Мерецков. На службе народу.
Политиздат, М., 1968. С. 49, 50–51.*

С.М.Буденный, 17–21 декабря 1920 года

В Москве открывался VIII Всероссийский съезд Советов. Мы с Клементом Ефремовичем были избраны делегатами съезда. <...>

Утром 17 декабря мы поездом отправились в Москву. Радовались, что снова увидим Владимира Ильича, горячо обсуждали, о чем нужно в первую очередь доложить ему, какие вопросы поставить перед ЦК и правительством. Приехали в Москву под вечер. <...>

На другой день мы решили связаться со Сталиным. Было три человека, которые, на наш взгляд, больше других заботились о 1-й Конной армии, – Ленин, Калинин и Сталин. Мы всегда ощущали их помощь. Позвонили Сталину на квартиру – жил он в Кремле. Слышу в трубке его голос:

– Товарищ Буденный? Знаю о вашем приезде. Приходите, жду. И Ворошилов с вами? Жду обоих. Сталин тепло принял нас и сразу забросал вопросами: как идет борьба с бандитизмом на Украине, как разворачивается посевная кампания, налажена ли связь с местными партийными и советскими органами, чем живут конармейцы, обсудил ли Реввоенсовет армии вопросы дальнейшего состояния 1-й Конной... Когда мы закончили доклад, он сказал:

– Красная Армия не только верный страж народа, но и верный помощник в труде. Когда пахарь-крестьянин и боец работают на одном поле, работают дружно, рука об руку, тогда крепнет союз армии и труда. – И я так понимаю, Иосиф Виссарионович.

– Владимир Ильич очень обеспокоен положением дел на Украине. Бандитские отряды Махно надо во что бы то ни стало разбить до весны, дать трудовым селянам Украины возможность организованно и в срок провести сев. У меня был разговор со Склянским. Говорят, что отряды Махно ускользают от 1-й Конной. Так ли? Я объяснил обстановку. Сталин, попыхивая трубкой, подошел ближе, положил руку на мое плечо.

– Семен Михайлович, Владимир Ильич очень вас ценит и то, что Врангель был успешно разбит – большая заслуга и вашей Конной армии. Уверен, что с махновцами быстро справитесь. Только никому не говорите, что вас хвалим, а то еще сглазим, – шутливо добавил он.

22 декабря мы раньше других поспешили в Большой театр, где проходил съезд.

*С.М. Буденный. Пройденный путь, кн. 3.
Воениздат, М., 1973. С. 179, 180–181.*

1922 год

А. И. Микоян, 13 января, 5–6 февраля 1922 г.

<...> 12 января на мое имя пришла телеграмма с предложением немедленно выехать в ЦК. Для решения вопроса о моей поездке собралось бюро губкома. Из телеграммы не было ясно, с какой целью меня вызывают и надолго ли. Бюро разрешило мне выехать, но в случае долгого отсутствия, я должен был сообщить губкому о причинах задержки. <...>

13 января был уже в столице. В ЦК мне сказали, что меня хочет видеть Сталин и что мне следует пойти к нему на квартиру в Кремль. Он жил в здании, на месте которого теперь стоит Дворец съездов. Сталин занимал две комнаты на первом этаже.

Принял он меня приветливо. Сказал, что вызвал и беседует со мной по поручению Ленина. Речь идет о работе по подготовке к очередному, XI съезду партии. Начал с вопроса о положении у нас, в нижегородской организации. Я коротко сообщил, что после длительной борьбы наша организация оздоровилась, сплотилась вокруг ленинских идей и уверенно идет к предстоящему съезду. Отдельные группки и лица, связанные со Шляпниковым, есть, но они уже не имеют особого значения.

Видимо, Сталин задал этот вопрос, чтобы как-то начать беседу, ибо в ЦК хорошо знали о положении в нашей организации. Поэтому он сразу перешел к делу.

Условия, сказал Сталин, в которых идет подготовка к XI съезду, коренным образом отличается от тех, которые были накануне X съезда. На горизонте не видно никаких разногласий и открытых группировок или политических платформ. ЦК не придает большого значения тому, что Шляпников с узкой группой своих сторонников, оторванный от масс, скрыто ведет групповую работу. Теперь уже он и его группа не представляют серьезной опасности, и если что-нибудь антипартийное возникнет, то быстро провалится.

Главная опасность может идти от Троцкого и его сторонников. Но пока они ведут себя тихо. Никаких заметных разногласий, могущих отразиться на партии, нет. Конечно, от Троцкого можно всего ожидать. До съезда остается еще два месяца. Он может выкинуть какой-нибудь политический трюк, но, по всему судя, это теперь маловероятно. Надо полагать, что скорее всего, он, наученный горьким опытом его поражения на X съезде, изберет другую тактику: пойдет на съезд без разногласий, без платформ, демонстрируя полное единство. Этим он рассчитывает усыпить бдительность партии, восстановить свой авторитет, провести побольше своих сторонников в Центральный Комитет.

При отсутствии платформ и разногласий делегаты будут отдавать свои голоса за кандидатов в центральные органы партии (по соображениям только их персональных достоинств), предавая забвению прошлые принципиальные разногласия. И если в таких условиях в ЦК будет избрано относительно много бывших троцкистов, то это представит опасность для дальнейшей работы ЦК. Потом Троцкий может поднять голову, вызвать разногласия в ЦК и, опираясь на своих сторонников, всячески затруднять работу ЦК, мешать тому, чтобы партия под руководством Ленина сосредоточилась целиком на неотложных задачах, может начать борьбу против Центрального Комитета, как это уже было не однажды.

Поэтому, сказал Сталин, мы озабочены тем, какие делегаты приедут на предстоящий партийный съезд и много ли среди них троцкистов.

В этом отношении нас беспокоит Сибирь. Там еще довольно много троцкистов, они пользуются определенным доверием и влиянием в своих организациях, и поэтому есть опасность, что многие из них окажутся в числе избранных делегатов съезда.

– Вот почему, – сказал он в заключение, – Ленин поручил мне вызвать вас, рассказать об этой обстановке, и, если вы разделяете такой взгляд на положение дел в партии, то попросить вас съездить в Новониколаевск к Лашевичу, чтобы передать ему от имени Ленина все, что я вам здесь сказал... Я без колебаний заявил, что согласен отправиться в Сибирь с этим поручением, но мне надо хотя бы на день заехать в Нижний Новгород. Сталин согласился. Кроме того, он сказал, что ехать в Сибирь мне следует как бы по личным, семейным делам, и особо предупредил, что обо всем, сказанном им, следует передать только лично Лашевичу.

– Дело в том, – сказал Сталин, – что секретарем Сибирского бюро ЦК сейчас работает Емельян Ярославский. Во время профсоюзной дискуссии он выступал против Троцкого, занимая правильные, ленинские позиции. После X съезда он работал некоторое время секретарем ЦК партии, но работал недостаточно удовлетворительно, и мы решили перевести его на должность секретаря Сиббюро ЦК. Его нынешние настроения, его позиции пока нам неизвестны. Поэтому, – сказал Сталин, – передайте поручение ЦК только Лашевичу: он сообщит, кому найдет нужным, и сделает практические выводы, чтобы среди сибирских делегатов оказалось поменьше троцкистов.

Я собрался было уходить, как вдруг дверь тихо открылась (это было вечером, уже темнело) и вошел Ленин. Поздоровался и, улыбаясь, смотря на Сталина и на меня с присущим ему одному прищуром глаз, в шутку сказал:

– Вы что, все свои кавказские разногласия обсуждаете?

Сталин ответил, что передал мне все, о чем было условлено, что я согласен и поеду через день к Лашевичу. Я был смущен этой неожиданной встречей с Лениным и, попрощавшись, поторопился уйти. Я находился под хорошим впечатлением от этой встречи со Сталиным. Спокойный, доброжелательный тон беседы, то, что провести ее со мной Ленин поручил Сталину, а не кому-либо из секретарей ЦК (в то время Сталин еще не был секретарем ЦК), а главное, то, что Ленин так запросто зашел к Сталину, особенно расположило меня к нему.

Заехав на день в Нижний, я вернулся обратно в Москву, получил в ЦК соответствующую экипировку для защиты от сибирских холодов и в тот же день уехал поездом в Новониколаевск. <...>

Лашевича на месте не оказалось: он был в отъезде. Я, понятно, решил ждать его возвращения. <...>

Через несколько дней вернулся Лашевич. Я тут же с ним встретился и рассказал о поручении, которое мне дано для него от имени Ленина.

Внимательно выслушав меня, он очень обрадованно сказал: «Хорошо, что вы приехали. Мы, как провинциалы ничего подобного даже не предполагали, и немало бывших троцкистов было бы у нас избрано на съезд. Но теперь мы это учтем. Передайте в Москве, чтобы Ленин не беспокоился за Сибирь».

Поездка в Сибирь заняла в общей сложности больше трех недель. Вернувшись, я снова побывал у Сталина, рассказал о выполнении данного мне поручения, об общем положении в партийных организациях Сибири, о своих впечатлениях, о людях, с которыми пришлось познакомиться.

В конце беседы Сталин сказал, что в ЦК есть мнение направить на работу в наш губком Угланова, работавшего до этого секретарем Петроградского губкома.

– Он не сработался там с Зиновьевым, пошли неприятности, и ЦК решил отозвать Угланова из Петрограда. Вместе с тем, он способный, растущий партийный работник. Выходец из приказчиков, вступил в партию еще до революции. Имеет опыт руководящей партийной работы. Мы считаем целесообразным послать его к вам в Нижний. Он мог бы пока поработать у вас заворготделом вместо Коршунова, а со временем, когда пустит корни в вашей организации, а вам подойдет время перейти на другую работу, Угланов сможет вас заменить. А Коршунова мы направим в другую губернию...

Предложение об Угланове оказалось для меня неожиданным. Я не был с ним знаком, но Сталин так убедительно его рекомендовал, что у меня не могло возникнуть никаких возражений против его кандидатуры. К тому же я понимал, что после работы на посту секретаря одной из самых крупных партийных организаций страны с работой у нас Угланов, конечно, справится.

На том и порешили. Я вернулся в Нижний, а через несколько дней приехал Угланов.

А.И. Микоян. В начале двадцатых...

Политиздат, М., 1975. С. 140–142, 143, 144–145.

С. М. Буденный, 3—10 апреля 1922 года.

Сразу же после съезда, 3 апреля, состоялся Пленум ЦК партии, на котором И.В. Сталин был избран Генеральным секретарем Центрального Комитета РКП(б). Это я узнал от М.В. Фрунзе. <...>

Еще на съезде, когда Сталин беседовал с военными, он сказал, что хотел бы после съезда подробно поговорить со мной о кавалерии, о развитии в нашей стране коневодства и о других, как он сказал, «неотложных вопросах».

Желание Сталина побеседовать со мной было как нельзя кстати: судьба кавалерии, судьба коневодства в стране меня глубоко волновали. Я был рад предложению Иосифа Виссарионовича и сказал, что в любое время я могу зайти в ЦК.

– Зачем в ЦК, – улыбнулся Сталин. – Помните декабрь 1919 года, когда я приезжал в Велико-Михайловку и мы проводили первое заседание Реввоенсовета Конной армии? – Помню, Иосиф Виссарионович.

– Вы тогда меня очень тепло встретили... А почему я должен вас обижать? Приходите ко мне домой.

– Хорошо, Иосиф Виссарионович.

Я долго не решался звонить Сталину. Теперь, после избрания его на пост Генерального секретаря, он был, конечно, страшно загружен. Не время сейчас говорить о кавалерии и коневодстве. Есть более важные вопросы. Лучше отложить нашу беседу на другое время. Возможно, я так и уехал бы. Но о моем разговоре со Сталиным узнал М.В. Фрунзе. Он сказал:

– Обязательно позвоните, настоятельно рекомендую. Сталин очень интересуется кавалерией. А теперь ему и по долгу службы надо заниматься вопросами строительства и укрепления Красной Армии.

Собравшись с духом, я позвонил Сталину. Ответ был коротким:

– Приходите, жду.

Когда я пришел, Сталин не сразу заговорил, давал мне возможность собраться с мыслями.

– Ну, как дискуссия? – спросил он. – Троцкий и его сторонники против военной доктрины, старая песня... – Он молчал, задумчиво раскуривая папиросу. – Владимир Ильич серьезно заболел, а обстановка в стране тяжелая. Переход на мирное строительство, ликвидация последствий войны – дело сложное, потребует от коммунистов больших знаний, практических навыков, умения организовать массы, возглавить массы и опереться на массы, и больше внимания мелочам, именно мелочам. Все великое строится из малого. Сталин заговорил о взглядах Фрунзе на единую военную доктрину. Он сказал, что полностью разделяет точку зрения Михаила Васильевича.

– Красную Армию мы будем укреплять, поднимать ее боеготовность из года в год. И кавалерия нам еще крайне необходима, – продолжал Сталин. – Что нужно сделать для ее раз-

вития как стратегического рода войск? В этом вопросе вы человек более компетентный, чем кто-либо другой.

Я сказал, что конница находится сейчас в тяжелом положении и, чтобы видеть это, не надо быть большим теоретиком. Проводимая реорганизация кавалерийских соединений сводится, по сути дела, лишь к их сокращению, другие вопросы пока не затрагиваются,

– Какие же это вопросы? – спросил Сталин.

О них мы не раз сообщали Главкому и РВС республики, в частности, давно шла речь об увеличении числа орудий для кавалерийских частей, да и для всей армии, но все остается без изменения. В полку отдельной кавалерийской дивизии лишь два орудия, в полку отдельной кавбригады – одно.

– А у Пилсудского, как помнится, было шесть орудий? – спросил Сталин.

– Пять, Иосиф Виссарионович.

– Еще что вас тревожит?

При современных средствах наблюдения и поражения, говорил я Сталину, конница становится все более уязвимой с земли и воздуха. Важнейшее условие успеха ее атак – внезапность. Только при этом она наносит большой урон противнику. Стремительная атака конных масс наводит ужас на врага, подавляет волю к сопротивлению. Но условия для успешной атаки конница обязана подготовить сама. <...>

Опыт 1-й Конной убеждал в том, что в Красной Армии необходимо сохранить стратегическую конницу, действующую самостоятельно. Кроме того, конные части следует придавать стрелковым дивизиям. Реорганизация проводилась без достаточного учета опыта гражданской войны. Все это поставило конницу в очень тяжелое положение...

Сталин слушал меня не перебивая.

– Да, вижу, с кавалерией совсем худо, – сказал он. – Вам бы следовало вместе с Клементом Ефремовичем представить по этому вопросу специальное письмо. Но будем считать ваше сообщение за мнение Реввоенсовета 1-й Конной. Я сказал, что если надо, то через неделю такое письмо представим. Сталин махнул рукой.

– Не будем терять времени. Лучше подумайте, как успешнее подготовить Боевой устав кавалерии. Дело это очень нужное. Затем разговор зашел о коневодстве и коннозаводстве. Признаться, я не ожидал, что Сталин сведущ в этом деле. Он знал, сколько было в стране лошадей, сколько осталось после революции.

– Будем брать курс на полную механизацию народного хозяйства, в том числе, земледелия, – сказал Сталин, – но пока построим заводы, пока научимся делать машины, придется выезжать на лошади. Ныне она – главное средство производства. Поэтому развитие коневодства сейчас – важнейшая задача.

Я сказал Сталину, что, если не будут приняты чрезвычайные меры, мы обречем наше коневодство на страшный упадок. Помимо восстановления конского поголовья надо особое внимание обратить на улучшение качества лошадей, выделить для деревни достаточное количество племенных, кровных. Этим мы заинтересуем самих крестьян, которые охотно помогут нам, и тогда сможем закупать хороших лошадей для армии.

Сталин заметил, что на его взгляд, необходимо разработать единый государственный план использования племенного материала и расходования спецкредита.

– Но прошу учесть, – предупредил Сталин, – что нужно максимально использовать резервы на местах. А то у нас есть немало фактов, где на местах с лошадью обращаются безобразно. Кстати, Семен Михайлович, тут в РВС Республики поступила жалоба. – И он многозначительно глянул на меня. – Какая жалоба? – спрашиваю.

– На вас, Семен Михайлович. Говорят, вы самоуправством занимаетесь. Что там у вас в Ростове приключилось?

И тут я вспомнил. Однажды утром направляюсь в штаб округа. Вижу: на полном галопе скачет по тротуару кавалерист. Люди шарахаются от него в стороны. Крикнул кавалеристу, чтобы остановился и подъехал ко мне.

– Откуда? – спрашиваю.

Он назвал кавалерийскую часть и доложил, что ездил в штаб округа с донесением, а сейчас спешит в часть. Приказал кавалеристу слезть с лошади.

– Это что? – Я показал на окровавленные копыта лошади. Она была не подкована, а конник гнал ее по камням. Да, я был крут и суров к тем, кто по-варварски относился к лошадям. Поэтому тот случай не оставил без внимания. Приказал забрать у бойца лошадь, а самого арестовать на десять суток. Вот он и написал на меня жалобу: дескать, поступает Буденный на манер царского офицера.

Уже когда собрался уходить, Сталин сказал:

– Есть предложение, Семен Михайлович. Мы тут посоветовались в Реввоенсовете Республики и решили учредить должность помощника Главкома по кавалерии. Как вы на это смотрите?

– Я – за. Мера важная и нужная. Уверен, что это принесет большую пользу нашему общему делу – укреплению Красной Армии.

– Да, конечно, польза будет, но при одном условии – если на эту должность изберем знающего человека. – Он в упор посмотрел на меня. И вдруг сказал: – Вас рекомендуем, Семен Михайлович.

Я опешил и не сразу нашелся, что сказать. Предложение было по душе. Я смог бы вплотную заняться вопросами дальнейшего укрепления красной кавалерии. И в то же время вполне отчетливо сознавал и как командир, и как коммунист, что много еще незавершенных дел осталось на Северном Кавказе.

Сталин, конечно, заметил мое смущение.

– Вы не решаетесь принять эту должность?

– Иосиф Виссарионович, спасибо за доверие, но разрешите мне еще побыть командиром и членом Реввоенсовета округа. – И рассказал Сталину, почему считаю это необходимым.

– Ну что ж, – сказал Сталин, – понимаю вас. Основания для такой просьбы с вашей стороны вполне убедительны. Давайте отложим все на год.

*С.М. Буденный. Пройденный путь, кн. 3.
Воениздат, М., 1973. С. 291–295.*

А. И. Микоян, 25–30 апреля 1922 года

В конце апреля 1922 года у меня состоялась еще одна встреча со Сталиным. На этот раз речь шла о моей новой работе.

Сталин сказал, что в ЦК есть намерение выдвинуть меня на работу в качестве секретаря Юго-Восточного бюро ЦК ОКП.

Такое предложение было для меня неожиданным. Мне не хотелось тогда уезжать из Нижнего. Только что начал по-настоящему «влезать» во все нижегородские дела, меня узнали коммунисты и беспартийные рабочие, на последней партийной конференции мне выразили полное доверие. Работал я с большим увлечением, да и дела у нас пошли неплохо. В этих условиях срывать меня с места и посылать на совершенно новую, притом очень большую работу, с которой я, к тому же, мог и не справиться, казалось мне делом несвоевременным.

Поэтому, подумав, я сказал Сталину, что, конечно, ЦК вправе перебросить меня на другое место, но, откровенно говоря, мне хотелось бы еще некоторое время поработать в Нижнем. Это принесет мне как партийному работнику только пользу. Хотя за это время я и успел вник-

нуть во многие вопросы партийного руководства промышленностью, сельским хозяйством и советским строительством, тем не менее еще не чувствую себя в этом отношении достаточно сильным и мне полезно набрать еще опыта.

Сталин слушал меня очень внимательно, а потом сказал:

– Ты только не прибедряйся. В Нижнем уже многое сделано. Организация заметно выправилась, идейно и организационно окрепла, стала более сплоченной. Значит, главное сделано и ты можешь спокойно перейти на новое место, которое предлагает ЦК. Тогда высказал свои доводы против назначения меня секретарем Юго-Восточного бюро ЦК партии:

– Это очень большая и ответственная работа. Северный Кавказ – огромный и сложный край. Там много еще не решенных и не очень ясных для меня проблем, связанных, скажем, с казачеством, с горскими национальностями и их взаимоотношениями. Кроме того, это край с большим сельским хозяйством, а у меня как раз мало опыта работы в сельскохозяйственных районах. Я считаю себя пока не подготовленным к такой большой работе и боюсь, что не оправдаю надежд ЦК. Сталин на это отвечал:

–

Не преувеличивай трудностей. Конечно, они там есть. Секретарем бюро ЦК работает сейчас Виктор Нанейшвили, которого ты должен хорошо знать еще по Баку. Он старый большевик, бывший учитель. Но он и в партийной работе сохранил стиль учителя: больше поучает и разъясняет. Организационно объединить и сплотить людей ему не удалось. Кроме Ставропольской губернии, местные организации не поддерживают бюро ЦК, считая его излишним звеном, средостением между ними и ЦК. Мы же считаем, – продолжал Сталин, – что при существующих средствах связи и неокрепшем аппарате в самом ЦК из Москвы трудно руководить и решать специфические и действительно порой очень сложные вопросы этого края. Бюро ЦК – не лишнее звено, а необходимый орган ЦК партии в крае. На первых порах главная задача там – укрепление политической, партийной, организационной работы. С этим ты вполне справишься. Что же касается хозяйственных дел, то ЦК готов дать крупных хозяйственников из Москвы. После ознакомления с делами на месте тебе станет ясно, каких работников нужно направить в этот край. Во всяком случае, жалеть людей для этого края ЦК не будет. Опровергнуть эти доводы Сталина было, конечно, трудно: они были довольно убедительны. Вообще Сталин умел уговаривать. Я только высказал ему еще одно соображение:

– В состав Югвостбюро сейчас входит командующий Северо-Кавказским военным округом Ворошилов. Я с ним никогда вместе не работал. Он известный политический деятель. Как большевик и член ЦК партии намного старше меня. У него, наверное, уже сложилось свое твердое мнение по всем местным вопросам и он, естественно, будет защищать свои позиции. В чем-то мы можем ведь и разойтись. На этой почве у нас могут возникнуть конфликты. Я его уважаю и не хотелось бы вступать с ним в столкновения, а приспособливаться не могу... Сталин стал заверять меня, что ничего этого не случится.

– Можешь действовать вполне самостоятельно и ничего не опасаться. Я знаю Ворошилова как толкового и умного человека. Он хороший товарищ и не будет мешать тебе в работе. Наоборот, всячески поможет. Обещаю лично поговорить с Ворошиловым.

После этого уже ничего не оставалось, как дать согласие на предложение ЦК.

В конце беседы Сталин обратил внимание, что я крайне исхудал и что у меня вообще довольно болезненный вид. Действительно, выглядел я неважно, – видимо, сказалась жизнь на тогдашнем полуголодном пайке. Однако, я сказал лишь о том, что месяц назад около двух недель болел воспалением легких и лежал в постели с высокой температурой.

Тогда он предложил мне поехать в дом отдыха ЦК недалеко от Риги, на берегу Балтийского моря.

– Там хорошие условия, и ты сумеешь быстро подкрепиться. – Я согласился, тем более что после 1917 года я еще ни разу не был в отпуске. Меня тронуло проявление такой заботы со стороны Сталина. Прощаясь со мной, Сталин сказал:

– Поезжай в Нижний, можешь проинформировать членов бюро губкома о намерении ЦК отозвать тебя из Нижнего и жди решения ЦК.

<...> Решение о моем отзыве из Нижнего и назначении секретарем Юго-Восточного бюро ЦК было вынесено 2 мая 1922 года.

А.И. Микоян. В начале двадцатых.

Политиздат, М., 1975. С. 162–164, 166.

А.И. Микоян, 4–7 августа 1922 года

<...> в самых первых числах августа 1922 года, я выехал в Москву для участия в работе XII Всероссийской партийной конференции.

В конце мая 1922 года у Ленина случился первый приступ болезни. Все мы, делегаты, собравшись в Кремле, с особым волнением ждали сообщения о здоровье Владимира Ильича.

В первый же день работы конференции, 4 августа 1922 года, делегатов проинформировали, что по заключению авторитетнейших врачей, как русских, так и иностранных, здоровье и силы Владимира Ильича не только восстанавливаются, но уже, можно сказать, восстановились. Владимиру Ильичу нужен только временный отдых. Вскоре он собирается занять свой боевой пост <...>

На следующий день, на вечернем заседании, с внеочередным заявлением выступил Сталин. Он сказал: «Я имею заявить, что сегодня был вызван к товарищу Ленину и он, в ответ на приветствие конференции, уполномочил меня передать вам, что благодарит за приветствие. Он выразил надежду, что не так далек тот день, когда он вернется в наши ряды на работу».

В зале вновь разразилась буря аплодисментов. Во время конференции у меня, да и у ряда других делегатов возникло недоумение, почему Сталин, в ту пору уже Генеральный секретарь ЦК партии, держался на этой конференции так подчеркнута скромно.

Кроме краткого внеочередного выступления – рассказа о посещении Ленина в связи с нашим приветствием, он не сделал на конференции ни одного доклада, не выступил ни по одному из обсуждавшихся вопросов.

Это не могло не броситься в глаза. Зато Зиновьев держался на конференции чрезмерно активно, изображая из себя в отсутствие Ленина как бы руководителя партии. Он, например, выступал с двумя докладами – об антисоветских партиях и о предстоящем IV конгрессе Коминтерна. Сталин, бесспорно, мог бы доложить, скажем, об антисоветских партиях ничуть не хуже его, поскольку материалов и источников информации у него было не меньше, да и знал он этот вопрос не менее глубоко.

Открыл конференцию Каменев. Казалось вполне естественным, чтобы с заключительной речью выступил Генеральный секретарь ЦК партии. Однако, председательствовавший на последнем заседании Зиновьев почему-то предоставил слово для закрытия конференции Ярославскому.

Ретивость Зиновьева я объяснил его особой жадностью ко всяким публичным выступлениям и его стремлением непомерно выпячивать свою персону – этим он уже «славился».

Никаких особых разногласий в Руководстве тогда не было, и в связи с этим чувствовалась общая удовлетворенность делегатов от того, что они продолжают дружно работать и теперь, во время вынужденного отсутствия Ленина.

А.И. Микоян. В начале двадцатых...

Политиздат, М., 1975. С. 193–194

1924 год

С.М. Буденный, январь 1924 года

Я получил предписание сдать армию и выехать в Москву. Ждал этого, был предупрежден о возможном перемещении еще год назад и все же несколько растерялся. Не представлял себе, как буду жить без Конармии, без постоянной заботы о ней. <...>

...И вот я в Москве. Явился к Главкому. Уточнили, что входит в мои обязанности. Как говорится на официальном языке, принял дела от А.А. Брусилова. Вскоре меня пригласил к себе Сталин. В его комнате находился Калинин.

Сталин поздравил меня с назначением на новую должность, сказал, что партия сейчас принимает важные решения, и одним из них является укрепление Красной Армии, восстановление коневодства.

– Это то, что будет относиться к вашей компетенции, Семен Михайлович, – сказал мне Сталин. – Надеемся, что вы умело станете выполнять новые обязанности. – Постараюсь, Иосиф Виссарионович.

– Уверен, справитесь, дело вам знакомое, немного и крестьянское, – поддержал меня Калинин.

– Наша партия – руководящая, – продолжал Сталин. – Но ее руководящая роль должна выражаться не только в том, чтобы давать директивы, но и в том, чтобы на известные посты становились люди, способные понять наши директивы и способные провести их в жизнь честно. В противном случае политика теряет смысл, превращается в махание руками. А любителей махать руками, к несчастью, у нас еще немало.

– И сановников тоже, – добавил Калинин.

– Да, и сановников.

Обстановка в стране была напряженная. Кулаки, торговцы, используя нэп, поднимали голову. Хозяйственный аппарат только еще сколачивался. Кадров не хватало <...>

Оппозиционеры обвиняли Сталина и других членов ЦК в бюрократизме, отрыве от масс, неумении решать хозяйственные вопросы и т. п., и вместе с тем, Троцкий высокомерно отказывался занять какой-либо пост в советских органах (в СТО, Совнарком, Госплане), хотя ЦК дважды предлагал ему это.

– Троцкий ведет себя вызывающе, – сказал Иосиф Виссарионович, – противопоставляет себя ЦК. На одном из пленумов ему заметили, что член ЦК не может отказываться от исполнения решений ЦК. Он сорвался и покинул заседание. Пленум направил к Троцкому целую «делегацию» с просьбой вернуться. Он категорически отказался.

«Капризничает, – подумал я. – Ведет себя, как кисейная барышня, а еще коммунист.» И сказал вслух:

– Ну и пусть не возвращается, невелика потеря. Калинин улыбнулся. – Говорите, пусть не возвращается? – спросил Сталин. —

Но другие уже подняли крик: мы обидели Троцкого... Владимир Ильич тяжело болен. Оппозиция поднимает голову. Им не нравится партийная дисциплина, требуют свободы фракций. Керзоны, всякая белогвардейская шваль, меньшевики только и ждут, что в нашей партии начнется стычка. Между прочим, платформу сорока шести подписал и Бубнов. Вероятно, по недоразумению, – добавил Сталин.

– Мало знаю его, в бою с ним не был – проговорил я.

– Хорошо сказано: в бою с ним не был, – заметил Михаил Иванович. Я передал Сталину мнение Ворошилова и мое о положении в СКВО.

– Да, – коротко сказал Сталин. – ЦК принимает самые решительные меры.

С.М. Буденный. Пройденный путь, кн. 3.

Воениздат, М., 1973. С. 322, 323–324.

Часть II

Период строительства Советского государства (1925–1941 годы)

1928 год

С.М. Буденный, декабрь 1928 года

Характерно, что сам народ не давал в обиду Первую Конную. В связи с этим невольно вспоминается история с книгой И.Э. Бабеля «Конармия», отрывки из которой в 1924 году опубликовал журнал «Красная новь». Как только рассказы Бабеля были опубликованы, в редакции центральных газет, в Реввоенсовет Республики и ко мне посыпались письма с резким протестом. В письмах говорилось, что автор тенденциозно освещает жизнь конармейцев, умышленно гиперболизирует, обобщает частные недостатки, что своим произведением Бабель бросает тень на всю Красную Армию. <...>

Полемика об этой книге продолжалась и в 1928 году. Тогда в газете «Правда» 26 октября было опубликовано мое открытое письмо, а 28 ноября – Алексея Максимовича Горького. На этом бы и поставили точку, но отклики на письма побудили меня подготовить еще одну статью на эту тему.

Статья получилась большой. Я уже собрался отправить ее в редакцию «Правды». Но меня вызвал И.В. Сталин. После обсуждения ряда вопросов, связанных с обороной страны, Сталин неожиданно сказал:

– Читал в «Правде» ваше открытое письмо Горькому и ответ Алексея Максимовича. Вижу, крепко задел вас этот вопрос.

– Очень крепко, товарищ Сталин, – сказал я. – Конечно, в Конармии были случаи грубого нарушения бойцами дисциплины, некоторых мы даже отдавали под суд ревтрибунала. Но ведь это – единицы! А Бабель написал о Первой Конной так, что у читателя создается неверное представление о конармейцах, как и о всей Красной Армии. Я доложил Сталину, что собирался отправить новое письмо в «Правду».

– Могу ознакомиться с ним, прежде, чем оно будет опубликовано? – спросил Иосиф Виссарионович.

– Конечно, товарищ Сталин, – поспешно ответил я.

– Пришлите, пожалуйста, мне его.

– Оно со мной.

– Тем лучше. Я вынул из планшета статью и передал Сталину. Он сел за стол и стал внимательно читать. Не скрою, я очень переживал, что Сталин скажет. Иосиф Виссарионович встал из-за стола:

– Максим Горький сейчас в Италии, болеет и я бы посоветовал воздержаться от публикации письма. Вы правильно ставите вопрос. О бойцах Красной Армии, защитниках Октября, надо писать с любовью и уважением, и я уверен, что эту точку зрения разделяет с нами и Максим Горький. И не надо заострять свой спор с ним, Семен Михайлович. Это только на руку нашим врагам. Вот приедет, и тогда все обсудим.

– Согласен, товарищ Сталин.

С.М. Буденный. Пройденный путь, кн. 3.

Воениздат, М., 1973. С. 398–400.

1929 год

С.М. Буденный, 1—10 июля 1929 года

Помню, летом 1929 года мы, члены Реввоенсовета, были приглашены в ЦК. Нарком К.Е. Ворошилов докладывал наши соображения о коренной технической реконструкции Красной Армии.

Сталин в основном одобрил наши предложения.

– Ваши специалисты хорошо потрудились, – сказал он. – Расчеты произведены со знанием дела, с учетом большой перспективы. Можете не сомневаться – советский народ даст своей Красной Армии все необходимое для разгрома любого врага. – Сталин помолчал. – И все же кое-что не учтено. Вы упускаете один очень существенный момент. Скоро в войска начнет поступать в большом количестве новая техника. Гото вы ли красноармейцы принять ее? Задача состоит в том, чтобы в короткий срок овладеть ею. Рабочие, не жалея сил, создают грозную машину, – танк, самолет. А в чьи руки она попадет? Не получится так, что через несколько дней танк превратится в груды безжизненного, бесполезного для вас металла? Подумайте об этом. Общеобразовательный уровень молодежи, конечно, поднялся, но недостаточно. Еще много малограмотных, есть и совершенно неграмотные – вам это лучше знать.

– Есть, – согласился Климент Ефремович. – Ликбезы в армии продолжают действовать.

– Русские крестьяне, – вновь заговорил Сталин, выслушав Ворошилова, – непосредственно не сталкивались с машинами на протяжении всей истории русского государства. Машина будет ломать не только старую экономику, старые хозяйственные отношения, но и психику людей. Главная задача всей партии на ближайшее время – поднимать народ на овладение техникой. Старый лозунг «Техника в период реконструкции решает все» партия заменяет новым: «Решают все кадры, овладевшие техникой». Сталин прошелся по кабинету.

– Подумайте вот над чем. С техникой меняются тактика и оперативное искусство. Надо заново переучивать всю армию. Как, где будет обучаться высший комсостав? Как организуете подготовку среднего? А командиры отделения? Подумайте над вопросами наиболее полного использования техники... На очереди овладение воздушным океаном для переброски по воздуху грузов. Вполне реальная перспектива – высадки, а может быть, и выброски десантов. Преимущества очевидны: быстрота, внезапность, снимается зависимость от дорог.

– И овса не нужно, – заметил Орджоникидзе, лукаво взглянув на меня.

– Авиация не отменяет кавалерию, – усмехнулся в усы Сталин. – А вопросы взаимодействия авиации и кавалерии, взаимодействия всех родов войск в связи с появлением нового оружия приобретают особо важное значение.

После совещания у Сталина Центральный Комитет 15 июля 1929 года принял постановление «О состоянии обороны СССР».

С.М. Буденный. Пройденный путь, кн. 3.

Воениздат, М., 1973. С. 340–341.

Н.Г. Кузнецов, 26 июля 1929 года

...необычный и неожиданный поход «Червоной Украины», вклинившийся в наши планы в самый разгар летней боевой подготовки, состоялся в июле 1929 года.

Однажды намеченный поход в море на стрельбы и учения отменили. Моряков крейсера, одетых по форме № 1, во все белое с головы до ног, построили на палубе. В глубине Южной

бухты показался большой штабной катер. Когда он приблизился, мы увидели на нем И.В. Сталина и Г.К. Орджоникидзе. Их сопровождали В.М. Орлов и Г.С. Окунев. Едва гости ступили на крейсер, он снялся с бочки и, быстро развернувшись, лег на Инкерманские створы. Шли неподалеку от берега. Предстояло сделать короткую остановку близ Мухалатки, где отдыхал К.Е. Ворошилов. Спущенный на воду катер доставил к нам Наркома обороны. Вместе с ним прибыла, помнится, дочка Орджоникидзе – девочка лет восьми-девяти. Ей, видимо, очень хотелось побывать на военном корабле. Быстро закончились деловые переговоры. Сфотографировавшись с командой корабля, К.Е. Ворошилов покинул «Червону Украину».

<...> Наши гости, собравшись на мостике, наслаждались вечерней прохладой. И.В. Сталин и Г.К. Орджоникидзе были еще не старыми людьми. Оба были одеты в серые кителя. Григорий Константинович, помнится, прислонился к обвесу мостика и о чем-то рассказывал живо, темпераментно, с грузинским акцентом, то и дело жестикулируя. И.В. Сталин часто набивал свою трубку и, как мне показалось, не затягиваясь, выпускал дым. <...>

Смысл беседы высоких гостей остался для меня неведомым: не положено молодому командиру вмешиваться в разговоры большого начальства. Но мне думается, что даже столь короткое пребывание на корабле И.В. Сталина и Г.К. Орджоникидзе, ведавшего тогда тяжелой промышленностью, сыграло большую роль в деле строительства флота. Лет шесть спустя, будучи командиром «Червоной Украины», я вновь встретился на этом корабле с Серго Орджоникидзе. Из разговора с ним убедился, что он хорошо знает планы строительства флота. Зрели они годами!

На корме корабля состоялся вечер флотской самодеятельности. Не без помощи «артистов» с других кораблей представление удалось, и, как нам показалось, все остались довольны. В тот вечер, 26 июля 1929 года И.В. Сталин сделал запись в корабельном журнале: «Был на крейсере «Червона Украина». Присутствовал на вечере самодеятельности... Замечательные люди, смелые, культурные товарищи, готовые на все ради нашего общего дела...»

Годы и обстановка изменили впоследствии характер Сталина... 26 июля крейсер бросил якорь на Сочинском рейде, и гости сошли на берег.

*Н.Г. Кузнецов. Накануне.
Воениздат, М., 1969. С. 44–46.*

1930 год

С.М. Буденный, конец ноября 1930 года

В конце сентября 1930 года я предложил Клименту Ефремовичу в связи с приближающейся десятой годовщиной разгрома Врангеля провести в стране «Декаду обороны».

Ворошилов одобрительно отнесся к моему предложению, однако сказал, что решать такие вопросы прерогатива ЦК партии.

– Доложите об этом Сталину, – сказал он.

Однако, Сталину я так и не смог доложить. Это сделал сам Ворошилов как председатель РВС СССР. Спустя несколько дней, 5 октября, уже было принято постановление ЦК ВКП(б) по этому вопросу. ЦК партии согласился с предложением Реввоенсовета о проведении «Декады обороны».

Прошла «Декада обороны» с 15 (день окончательного разгрома Врангеля) по 25 ноября. Миллионы советских людей приняли в ней активное участие. Этим они выразили горячую любовь к армии и флоту, готовность сделать все возможное, чтобы еще выше поднять боеготовность Советских вооруженных сил, укрепить их могущество.

Вскоре по каким-то делам меня вызвал Сталин. Обсудив необходимые вопросы, он вдруг спросил:

– А почему вы не пришли ко мне насчет «Декады обороны»? Я растерянно пожал плечами:

– Не решился, товарищ Сталин. Свое мнение я доложил председателю Реввоенсовета.

– Ну и зря, – жестко сказал Сталин. – Вы являетесь членом Реввоенсовета и обязаны добиваться решения всех вопросов. Плохо, что не пришли. А декада прошла хорошо.

С.М. Буденный. Пройденный путь, кн. 3.

Воениздат, М., 1973. С. 343–344.

1931 год

В.С. Емельянов, февраль 1931 года

Нам, работникам оборонной промышленности, поручено самое важное – создание средств защиты нашего государства. Государства, за которое отдали свою жизнь многие тысячи борцов, за которое мы вели бои с многочисленными врагами, внутренними и внешними. Кем были мы еще несколько лет назад, до Октябрьской революции? Какой была тогда наша страна?» Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь?» – об этом напомнил нам И.В. Сталин в феврале 1931 года на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности.

Тогда же он говорил о необходимости увеличивать темпы нашего движения вперед.

«Задерживать темпы – это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим!» И передо мной как на табло загорелись слова: «История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все – за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно».

Каждая фраза этого выступления буквально жгла своей правдой, призывая к тому, чтобы возможно быстрее поднять нашу индустриальную мощь – нам это поручено в области военной техники. Мы должны это сделать – и сделаем. Как бы это ни было трудно. Как важно, чтобы все участвующие в нашем великом деле отчетливо понимали это.

В.С. Емельянов. На пороге войны.

Советская Россия, М., 1971. С. 63–64.

1932 год

С.М. Буденный, 1932 г.

Реввоенсовет СССР работал очень напряженно. Коренная перестройка Вооруженных Сил требовала не только сил, опыта, но и знаний. Следовало совершенствовать теорию военного дела и методику подготовки войск. Надо было учиться прежде всего нам, высшему командному составу, чтобы обогатить себя знаниями и успешно обучать подчиненных.

Мне самому очень хотелось учиться в академии им. М.В. Фрунзе. Однако, все мои попытки ни к чему не приводили. Нарком обороны, выслушав однажды мою просьбу, усмехнулся:

– Вам скоро пятьдесят, Семен Михайлович, а в академии учатся молодые. И на вас лежит ответственная работа.

– Но ведь можно при академии создать курсы?

Климент Ефремович пожал плечами:

– Ну, сам я не могу решать такой вопрос...

– А что делать?

– Обратитесь к Сталину.

Вскоре после одного из совещаний у И.В. Сталина, когда в кабинете остались лишь В.М. Молотов и К.Е. Ворошилов, я доложил о разговоре с наркомом, закончив:

– Не разрешает мне учиться Климент Ефремович!..

– Учиться никогда не поздно, – заметил Сталин. Помолчал, раскурил трубку и словно рассуждая вслух: – Воевали вы неплохо. Но время гражданской войны кануло в прошлое. Теперь война – если, разумеется нам не удастся предотвратить ее – будет носить совершенно другой характер. Все это требует от вас, военных, новых знаний, умения командовать войсками в новых условиях. Я тоже считаю, – продолжал Иосиф Виссарионович, – что вам обязательно нужно подучиться в академии. И не только вам... – Сталин глянул на Ворошилова. – Пожалуй, Буденный прав, надо при академии создать специальную группу, где могли бы учиться военачальники, разумеется, без освобождения от основной работы. Подумайте, Климент Ефремович... <...>

Итак, в академии была создана особая группа, в которую входили высшие командиры, имевшие богатый боевой опыт и проявившие незаурядные военные способности, но не получившие военного образования. Мне разрешили учиться только без отрыва от исполнения служебных обязанностей. <...>

Чтобы было понятно, насколько сложно и трудно было учиться тем командирам, которые сочетали свою учебу с работой, я приведу примерный распорядок своего рабочего дня. В 7.00 – подъем, физзарядка, завтрак. С 8.00 до 14.00 – занятия в академии. С 14.00 до 15.00 – обед, а затем до 24.00 – работа в инспекции кавалерии, в комиссиях, на различных конференциях. В 24.00 – ужин и до 3.00 – подготовка к занятиям в академии.

С.М. Буденный. Пройденный путь, кн. 3.

Воениздат, М., 1973. С. 355–356, 357.

С. М. Буденный, 1932–1933 годы

У меня со Сталиным было немало встреч, бесед по многим вопросам. Мне нравились в характере Сталина такие черты, как прямота, откровенность, твердость. Не могу не сказать, как

однажды Сталин едва не объявил мне выговор. А было это так. Нам, группе слушателей Военной академии им. М.В. Фрунзе, предстояло выполнить прыжки с парашютом. С этой целью выехали на учебный аэродром. День выдался погожий. С набором высоты самолет стало слегка покачивать. Настроение у меня бодрое, хотя еще ни разу не прыгал.

Секунда – лицом ощутил упругий ветер... Не стану описывать чувства, которые владели мной в те минуты, скажу одно: прыжок прошел успешно. И на земле выполнил поставленную задачу (в полет я уходил командиром батальона).

Вскоре состоялся выпуск слушателей академии, на котором присутствовали руководители партии и правительства. Торжественное собрание проходило в Кремле. После официальной части состоялся прием.

Там Роберт Петрович Эйдеман, бывший командарм 13-й армии, поднял тост за меня. Он начал рассказывать, как я учился. Роберт Петрович говорил, что Буденный, несмотря на свой высокий пост и солидный возраст, учился старательно.

Когда Эйдеман упомянул о прыжке с парашютом, Сталин серьезно сказал:

– Товарищ Буденный, а кто вам разрешил это делать? Ведь членам правительства нельзя водить машины, дрезины по железной дороге, а вы вдруг прыгнули с парашютом? Вы нарушили партийную дисциплину.

Сталин глянул в сторону Ярославского: он в то время был председателем ЦКК.

– Товарищ Ярославский, разберитесь в партийном порядке...

Тут уж не до веселья. Чувствовал себя очень неловко, но все же решительно возразил:

– Товарищ Сталин, я выполнял прыжок с парашютом не как член правительства, а как слушатель академии, который обязан пройти всю учебную программу.

Меня поддержал начальник академии. Наступила пауза. Потом Сталин сказал:

– Ну, если товарищ Буденный делал это по долгу службы, тогда другой разговор...

Весной 1933 года Сталин пригласил меня к себе.

– Семен Михайлович, – сказал Иосиф Виссарионович, – поздравление ЦК партии по случаю вашего пятидесятилетия вы уже получили, а сейчас лично хочу поздравить вас. И Сталин крепко пожал мне руку.

– Спасибо, Иосиф Виссарионович.

В тот вечер мы долго беседовали, вспоминали гражданскую войну, ожесточенные бои под Царицыном... Когда я уходил, Сталин сказал:

– Семен Михайлович, у нас с вами давняя боевая дружба, а фотокарточки вашей не имею, может быть, подарите? Я не растерялся:

– А вы мне свою?

– Пожалуйста, Семен Михайлович.

Сталин извлек из стола свою фотокарточку и написал: «Создателю красной конницы, другу и товарищу Семену Михайловичу Буденному от И.В. Сталина».

Этот портрет с надписью висит у меня в кабинете.

С.М. Буденный. Пройденный путь, кн. 3.

Воениздат, М., 1973. С. 403–404.

1935 год

И. М. Майский, 29 марта 1935 года

29 марта Сталин принял Идена. Встреча происходила в Кремле, в кабинете предсовнаркома В.М.Молотова. Присутствовали Сталин, Молотов, Литвинов и я, а с английской стороны – Иден и английский посол в Москве лорд Чилстон. Мне пришлось идти по коридору вместе с Иденом, и я заметил, что Иден сильно волновался в связи в предстоящей встречей. Все мы были одеты в обычные костюмы с галстуками – только Сталин составлял исключение: на нем была серая тужурка, серые брюки и высокие сапоги. Он был спокоен и бесстрастен. Переводил, в основном, Литвинов, иногда помогал ему я. Центральным предметом разговора являлась опасность войны. Сталин прямо поставил Идену вопрос:

– Как вы думаете, опасность войны сейчас больше или меньше, чем накануне 1914 года? Иден был не совсем определен, но все-таки из его ответов явствовало, что опасность войны в 1914 г. была больше. Сталин возразил:

– А я думаю, что сейчас эта опасность больше. В 1914 году имелся только один очаг военной опасности – Германия, а теперь два – Германия и Япония.

Иден подумал и признал, что мнение Сталина имеет под собой серьезное основание.

Потом говорили о других международных проблемах, рассматривали висевшую на стене карту мира и в конце концов пришли к утешительному выводу, что во всяком случае между СССР и Англией сейчас нет никаких серьезных вопросов спорного характера

И. М. Майский. Воспоминания советского дипломата.

Международные отношения. М., 1987. С. 317–318.

В. Г. Грабин, 14 июня 1935 года

<...> 14 июня 1935 года я приехал на полигон очень рано: хотелось все проверить, во вооружении встретить день, который неизвестно, что мог мне принести. <...>

<...> И действительно, буквально за три-пять минут до начального срока из проходной на полигоне показалась группа людей. Впереди в кожаном пальто шел К.Е. Ворошилов, несколько позади – И.В. Сталин в сером летнем пальто, в фуражке и сапогах, рядом шагал В.М. Молотов в темном реглане и в шляпе, чуть поодаль – Т.К. Орджоникидзе в фуражке защитного цвета со звездочкой и в сапогах, почти рядом с ним – В.И. Межлаук в серой шляпе и в сером летнем пальто, а с обеих сторон и сзади шли неизвестные мне военные и штатские. <...>

<...> Они прошли к правофланговому орудью, к универсальной пушке «Красного путилевца», поздоровались с Махановым, и тот с добродушной улыбкой начал свой доклад. Мне очень хотелось услышать его, но я стоял далеко и почти ничего не слышал. Время идет, а Маханов все рассказывает. По всему видно, что обстановка довольно-таки непринужденная. Часто даже смех раздается. Для полного успокоения мне нужно было бы слышать Маханова, который, как видно, довольно подробно касается конструкции отдельных механизмов и агрегатов.

Я начал было подумывать над тем, что слишком заузил свой доклад, и стал мысленно его расширять, как вдруг слышу:

– Товарищ Маханов, вы слишком подробно... Пожалуйста, нельзя ли покороче? Это сказал Ворошилов. Маханов мгновенно умолк, на лице его появилась растерянность. Видя это, Сталин заметил Ворошилову:

– Зачем вы его сбиваете, пусть он докладывает, как приготовился. – И затем Маханову: – Продолжайте!..

Маханов оживился, слегка улыбнулся и стал продолжать. Я думал, как же мне докладывать? Коротко или длинно? Посмотрел, сколько выставлено пушек, и решил: коротко! <...>

Осмотр универсальной пушки окончился, все направились к нашему орудию. Я почувствовал, как кровь прилила к лицу. Мысли спутались. Казалось, вот-вот я потеряю самообладание.

Послышался голос Ворошилова:

– Товарищ Грабин, расскажите о своей пушке.

Начал я не сразу. Рука сама было потянулась в карман, где лежала заготовленная шпателька, и тут же мне стало стыдно. Что я, не знаю своей пушки? <...>

Начал с пушки Ф-22. Сказал о ее назначении, перечислил основные показатели – габариты, вес в походном и боевом положении, начальную скорость снаряда, дульную энергию, или иначе говоря, мощность, которая может быть повышена. Отметил, что примененная нами новая гильза способна вместить увеличенный заряд пороха: повышение мощности пушки может потребоваться для пробивания брони более совершенных танков. Сейчас пушка способна уничтожить любой танк из находящихся на вооружении других армий, но мы думаем, что мощность броневой защиты будет наращиваться за счет толщины брони и за счет научно-исследовательских и конструкторских достижений – путем нахождения наиболее невыгодного для снаряда угла встречи с броней, чтобы достичь большего рикошетирования, и за счет повышения качества стали. Подчеркнув большую скорострельность Ф-22 в сравнении с трехдумковкой и то, что Ф-22 соответствует всем тактико-техническим требованиям Артиллерийского управления НКО, предъявленным к полууниверсальной пушке, но она на 550 килограммов легче и создана нашим КБ по своей схеме, изготовлена из отечественных материалов и на отечественном оборудовании, что очень существенно, особенно, в случае войны. <...>

Вопросов мне было задано немного. Я не понял, удовлетворил ли всех мой доклад. Руководители партии и правительства направились к следующей нашей пушке, а ко мне подошел директор и сказал, что я был слишком краток и что о второй пушке он сделает сообщение сам. Его заявление меня потрясло. Не успел я опомниться – он уже докладывал. Но и Леонард Антонович проговорил недолго. Все направились к полууниверсальной пушке завода имени Калинина, откуда стал доноситься голос В.Н. Сидоренко, начальника КБ, а я стоял и тяжело переживал свою неудачу. Очень жалел, что не доложил также подробно, как Маханов, но уже было поздно. Не пойдешь и не попросишь еще раз выслушать тебя по поводу той же пушки. Не было никакой возможности исправить положение, хоть уходи. В общем, горькие мысли прямо роились в моей усталой голове. Вдруг вижу: Сталин отделился от всей группы и направился в мою сторону.

Что это может означать, почему вдруг он направился опять на правый фланг? Я продолжал стоять в стороне, но все мои мысли, только что меня волновавшие, мгновенно испарились, меня стало занимать лишь то, что Сталин идет в мою сторону. А Сидоренко продолжал докладывать о своей пушке.

Сталин подошел к дощечке, на которой были выписаны данные о нашей «желтенькой», остановился и стал внимательно знакомиться с ними.

Я все еще стоял в стороне, затем подошел. Сталин обратился ко мне и стал задавать вопросы. Его интересовала дальность стрельбы, действия всех типов снарядов по цели, бронепробиваемость, подвижность, вес пушки, численность орудийного расчета, справится ли расчет с пушкой на огневой позиции и многое другое. Я отвечал. Долго длилась наша беседа, под конец Сталин сказал:

– Красивая пушка, в нее можно влюбиться. Хорошо, что она и мощная и легкая.

Мне было приятно слышать столь высокую оценку, но я ничего не сказал, а Сталин повернулся и пошел к группе, которая слушала доклад о следующей пушке. <...>

Затем направились к 122-миллиметровой корпусной пушке А-19, находящейся на вооружении армии, осмотрели еще ряд орудий, в том числе 203-миллиметровую гаубицу Б-4. За это время не было ни одного перерыва на отдых. Наконец пришли к последнему орудью большой мощности. Докладывал начальник КБ Магдасеев. Он был краток. Орудие произвело благоприятное впечатление. Сталин поговорил с рабочими завода, среди которых были и пожилые и молодежь. Поинтересовался, как старшие передают свой опыт молодым и как молодые его воспринимают. В конце беседы сказал:

– Хорошо, что вы дружно работаете. Всякая даже маленькая драчка пагубно отражается на деле.

На этом ознакомление с материальной частью артиллерии было закончено. Руководители партии и правительства и другие товарищи направились к блиндажам, чтобы оттуда наблюдать стрельбу. <...>

Как только орудие подготовили к бою, последовала команда «огонь». Все прильнули к щелям. Грянул выстрел. Полуавтоматический затвор не сработал. Замковый вручную открыл затвор, выбросил гильзу. Последовал второй выстрел, затем третий... Полуавтоматический затвор чаще отказывал, чем работал. Наконец, было сделано положенное число выстрелов, подали команду «отбой».

Надо сказать, не только Маханов переживал неудачу, но и я вместе с ним: как-то поведет себя полуавтоматический затвор на наших пушках? И вот команда нашему орудью: «Огонь!» Орудийный расчет выполнил команду четко, это было приятно, но нервы мои сильно напряглись.

Орудие! Грянул выстрел, полуавтоматический затвор сработал. Затем второй, третий выстрел и... последний. Все в порядке. От волнения и радости у меня даже дух захватило. Как только орудие умолкло, Сталин сказал Маханову:

– Ваша пушка отказывала, а пушка Грабина работала четко, приятно было смотреть.

– Грабин – мой ученик, – ответил Маханов.

– Это хорошо, – сказал Сталин, – но он вас обскакал. Стрельба продолжалась.

Это было зрелище внушительное. Началось с 76-миллиметровых пушек и закончилось самыми крупными калибрами. Трудно передать словами всю красоту этой стрельбы – она показывала, насколько мощна наша артиллерия. Когда закончилась стрельба из последнего орудия, Сталин произнес: «Все!» – и отошел от амбразуры. Выйдя из блиндажа, заговорил негромко, как бы думая вслух:

– Орудия хорошие, но их надо иметь больше, иметь много уже сегодня, а некоторые вопросы у нас еще не решены. Надо быстрее решать и не ошибаться при этом. Хорошо, что появились у нас свои кадры, правда, еще молодые, но уже есть. Их надо растить.

Мы с Махановым шли рядом с ним, я справа, а он слева, но ни я, ни он не промолвили ни слова – было ясно, что Сталин не с нами ведет этот разговор. Потом он остановился. Остановились и мы. Сталин сказал:

– Познакомьтесь друг с другом. Мы в один голос ответили, что давно друг с другом знакомы.

– Это я знаю, – сказал Сталин, – а вы при мне познакомьтесь. Маханов взглянул на меня с приятной улыбкой, и мы пожали друг другу руки.

– Ну вот и хорошо, что вы при мне познакомились, – сказал Сталин.

Я не мог ничего понять. Сталин обнял нас обоих за талии и мы пошли к нашим пушкам. Через несколько шагов Сталин опять остановился и сказал:

– Товарищ Маханов, покритикуйте пушки Грабина. Этого ни один из нас не ожидал. Подумав, Маханов сказал:

– О пушках Грабина ничего плохого не могу сказать.

Не ожидал я такого ответа, даже удивился. Тогда Сталин обратился ко мне:

– Товарищ Грабин, покритикуйте пушки Маханова.

Собравшись с мыслями, я сказал, что универсальная пушка имеет три органических недостатка. Перечислил их и заключил:

– Каждый из этих недостатков приводит к тому, что пушка без коренных переделок является непригодной для службы в армии.

Сказав это, я умолк. Молчали и Сталин с Махановым. Я не знал, как они отнесутся к моим словам, и испытывал некоторую душевную напряженность, но не жалел о том, что сказал.

«Если бы меня не спросили, я не сказал бы ничего, – рассуждал я мысленно, – ну, а раз спросили!..»

Помолчав немного, Сталин предложил мне:

– А теперь покритикуйте свои пушки.

Этого я совершенно не ожидал. Ждал или не ждал – неважно. Умел критиковать чужую пушку, сумею покритиковать и свои. И тут меня очень выручил стиль нашей работы, – то, что мы всегда объективно оценивали нами сделанное. Строго оценивались на описанном мною совещании и эти пушки. Я рассказал о недостатках. Перечислял их, объяснял, как они могут быть устранены, и в заключение сказал, что устранение дефектов значительно улучшит боевые качества пушек. От своей самокритики я даже вспотел.

Сталин сказал:

– Хорошо вы покритиковали свои пушки. Это похвально. Хорошо, что, создав пушки, вы видите, как они могут быть улучшены. Это значит, что ваш коллектив будет расти, прогрессировать. А какую из ваших пушек вы рекомендуете принять на вооружение?

Опять неожиданный вопрос. Я молчал. Сталин спросил еще раз. Тогда я сказал, что надо бы прежде испытать пушки, а потом уже давать рекомендации.

– Это верно, но учтите, что нам нужно торопиться. Времени много ушло и оно нас не ждет. Какую же вы рекомендуете? Я сказал, что рекомендую «желтенькую».

– А почему именно эту, а не другую?

– Она лучше, чем Ф-20.

– А почему она лучше?

– Ф-22 мы проектировали позже, чем Ф-20, учли и устранили многие недостатки.

– Это хорошо. А теперь мы отправим вашу пушку в Ленинград, пусть военные ее испытуют. Я правильно понял вас, что в ней нет ничего заграничного?

– Да, товарищ Сталин, она создана нашим КБ по своей схеме, изготовлена из отечественных материалов и на отечественном оборудовании.

– Это замечательно, – сказал Сталин.

Похвалу слышать было приятно, но отдавать военным для испытаний опытный образец пушки – такого в практике проектирования никогда не было. Всегда КБ предварительно отлаживало, испытывало опытный образец, а потом сдавало его заказчику. Никогда еще не бывало, чтобы опытный образец без заводских испытаний был направлен на полигонные.

– Ну что ж, не бывало, так будет, – сказал Сталин.

Я пытался доказать, что совместить заводские испытания с полигонными невозможно: у каждой организации свой подход. Когда завод испытывает и обнаруживает дефекты, он их устраняет и изменяет чертежи, то есть по ходу испытаний дорабатывает пушку. Полигон же стремится выявить в новой пушке как можно больше дефектов и все, что выявляет, записывает, после чего делает свои предложения и выводы. Я боюсь, что мы не сумеем одновременно испытывать и дорабатывать пушку. Как бы не удлинился период отработки и испытания. ((...))

– Поймите, – сказал Сталин, – что нужно экономить время, иначе можно опоздать. Отправим пушку сразу на полигон, ускорим решение вопроса...

Лишь впоследствии я понял весь смысл этих слов: «Нужно экономить время, иначе можно опоздать».

В.Г. Грабин. Оружие победы.

Политиздат, М., 1989. С. 113, 114–117, 118–121.

В.Г. Грабин, 15 июня 1935 года

Открылась дверь зала заседаний, и оттуда стали выходить люди. Пригласили нас. Входили по старшинству. Зал заседаний был значительно больше. Один стол стоял поперек, за ним сидел Молотов; за другим, длинным столом, приставленным к первому, – Орджоникидзе, Ворошилов, Межлаук и другие члены правительства. Сталин стоял у окна. Было очень много военных и гражданских специалистов. За столом все не поместились, некоторым пришлось сесть у стен, где стояли стулья и кресла.

Вел совещание Молотов. Он объявил, какой рассматривается вопрос, и предоставил слово комкору Ефимову. Тот доложил кратко. Он рекомендовал принять на вооружение 76-миллиметровую универсальную пушку завода «Красный путиловец». После его доклада выступили военные специалисты, которые поддерживали предложение Ефимова. Затем слово было предоставлено Маханову. Тот кратко рассказал о пушке и подчеркнул преимущества именно универсальной дивизионной пушки. После него было предоставлено слово Сидоренко, который рекомендовал свою 76-миллиметровую полууниверсальную пушку 25К. Он коротко ее охарактеризовал и заявил, что полууниверсальная пушка лучше универсальной и что по этому пути идет и Англия. После него выступили многие, но никто не рекомендовал ни нашу Ф-22, ни даже полууниверсальную Ф-20. Все пели гимны универсальной пушке. Только в ней выступающие видели то, что нужно в армии.

Сталин непрерывно расхаживал по залу. Несколько раз он подходил ко мне и задавал вопросы, относящиеся к нашей пушке, а также к универсальной и полууниверсальной. Когда он первый раз остановился у спинки моего стула и, наклонившись, спросил: «Скажите, какая дальность боя у вашей пушки и ее вес?» Я попытался встать, но он прижал руками мои плечи: «Сидите, пожалуйста». Пришлось отвечать сидя. Сталин поблагодарил, отошел и продолжал расхаживать.

После выступления инспектора артиллерии Роговского, который высказался за универсальную пушку, Молотов объявил:

– Слово предоставляется конструктору Грабину.

Я даже вздрогнул. До стола председательствующего, куда выходили все выступавшие, шел как во сне, никого не видя и ничего не слыша. Путь показался мне очень долгим.

Заговорил я не сразу. Трудность заключалась не только в том, что я впервые выступал на таком совещании, но и в том, что специальная дивизионная пушка никого не интересовала. Можно ли было рассчитывать на успех? Не сразу начал я говорить о Ф-22, а взялся сперва за самый корень – за универсализм и универсальную пушку.

– Да, всем известно, что США занимаются разработкой дивизионной универсальной пушки. Но мы не знаем, приняли ли они на вооружение хотя бы одну из трех своих универсальных пушек Т-1, Т-2 или Т-3. Полагаю, это у них поисковые работы. Трудно допустить, что после всестороннего анализа универсальной дивизионной пушки они не откажутся от нее. А мы гонимся за ними, американская идея универсализма стала у нас модной.

Я разобрал по очереди все недостатки универсальной пушки тактическо-служебные, экономические (слишком дорогая для массовой дивизионной) и конструктивные. А затем описал нашу 76-миллиметровую пушку Ф-22, указав ее преимущества по сравнению с универсальной и полууниверсальной пушками.

После меня выступили Радкевич, заместитель главного военно-мобилизационного управления Артамонов. Он напомнил, что в Первую мировую войну трехдюймовые скорострельные пушки, легкие и мощные, показывали чудеса в бою. Батареи трехдюймовок появлялись там, где их трудно было даже ожидать, и наносили сокрушительные удары по живой силе и технике противника.

– Предлагаемая на вооружение 76-миллиметровая универсальная пушка, – сказал он, – очень сложна и тяжела, она не сможет сопровождать колесами наступающую пехоту.

Артамонов дал высокую оценку 76-миллиметровой пушке Ф-22 и рекомендовал принять ее на вооружение.

Во время выступления Артамонова Сталин подошел к председательскому столу. Сидевший за ним Молотов сказал Сталину:

– Некоторые товарищи просят разрешения выступить еще раз, а время уже позднее. Сталин ответил:

– Надо разрешить. Это поможет нам лучше разобраться и принять правильное решение.

Стали выступать по второму разу. <...>

Совещание в Кремле проходило очень активно, все держались непринужденно. Мои опасения, что я не сумею совладать с собой, исчезли уже в начале моего первого выступления, а во время второго я совершенно не чувствовал себя связанным и высказывал все, что считал необходимым для правильного решения вопроса. Заседание затянулось, а Сталин по-прежнему неутомимо ходил, внимательно слушал, но никого не перебивал. Ко мне он подходил много раз, задавал вопросы и каждый раз клал руки мне на плечи, не давая подняться, чтобы отвечать стоя. Его вопросы касались универсальной и нашей дивизионной пушки. Видимо он сопоставлял их и искал правильное решение.

Найти его было нелегко, так как все высказывались только за универсальную, а за нашу Ф-22 – лишь я, Радкевич да Артамонов. После моего второго выступления в третий раз выступил Маханов. Он настойчиво и упорно защищал свою универсальную пушку, заявлял, что от универсализма не отступится. Наконец список записавшихся в прениях был исчерпан. Молотов спросил, нет ли еще желающих высказаться. В зале было тихо. Сталин прохаживался, пальцами правой руки слегка касаясь уса. Затем подошел к столу Молотова.

– Я хочу сказать несколько слов.

Меня очень интересовало, что же он скажет по столь специфическому вопросу, который дебатировался уже несколько лет?

Манера Сталина говорить тихо, не спеша описана уже неоднократно. Казалось, он каждое слово мысленно взвешивает и только потом произносит. Он сказал, что надо прекратить заниматься универсализмом. И добавил: «Это вредно». (Думаю, читатель поймет, какую бурю радости вызвало это в моей груди.) Затем он добавил, что универсальная пушка не может все вопросы решать одинаково хорошо. Нужна дивизионная пушка специального назначения.

– Отныне вы, товарищ Грабин, занимайтесь дивизионными пушками, а вы, товарищ Маханов, – зенитными. Пушку Грабина надо срочно испытать. Речь была предельно ясной и короткой. Закончив выступление, Сталин пошел в нашу сторону. Когда он поравнялся со мной, к нему подошел Егоров и сказал:

– Товарищ Сталин, мы можем согласиться принять пушку Грабина, только попросили бы, чтобы он сделал к ней поддон для кругового обстрела.

Сталин спросил меня:

– Можете к своей пушке сделать поддон?

– Да, можем, но он нашей пушке совершенно не нужен.

– Значит, можете?

– Да, можем.

– Тогда и сделайте, а если он не понадобится, мы его выбросим. – Хорошо, поддон будет сделан. В это время к нам подошел Радкевич:

– Товарищ Сталин, для того чтобы завод мог уже сейчас начать подготовку производства, хотелось бы знать, ориентируется ли правительство на нашу пушку?

– Да, ориентируется, – ответил Сталин.

В.Т. Грабин. Оружие победы.

Политиздат, М., 1989. С. 125–128.

А.С. Яковлев, 12 июля 1935 года

12 июля 1935 года для руководителей партии и правительства был организован показ достижений воздушных спортсменов Центрального аэроклуба.

Задолго до приезда гостей всех нас, конструкторов, летчиков, планеристов, парашютистов, авиамodelистов, собрали на Тушинском аэродроме.

Вместе со своей техникой – самолетами, планерами, моделями – мы толпились в западном секторе Тушинского поля в излучине реки Москвы. Все напряженно смотрели в сторону ворот аэродрома, на Волоколамское шоссе. Ожидая гостей, настороженно посматривали мы на хмурое небо и низкую облачность, которые могли помешать нашему празднику.

И вот одна за другой, переваливаясь по неровностям, показались в отдалении тяжелые черные автомашины. Одна, вторая, третья... Они подъехали и остановились недалеко от нас. И вдруг видим, как из машин выходят И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов, А.В. Косарев. За ними идут еще люди – военные и штатские, но я тогда видел только троих. С Климентом Ефремовичем я уже был знаком. Секретаря комсомола Косарева знал хорошо.

Сталина близко я видел впервые: в сером коверкотовом однобортном пальто-макинтоше, такого же материала фуражке, в мягких шевровых сапогах.

Сталин и его спутники тепло с нами поздоровались, держались очень просто, и сразу же началась оживленная беседа с авиаспортсменами. Стал накрапывать дождь, и мы испугались, как бы не отменили программу. Но дождь вскоре прекратился, и показ всех видов авиационного спорта состоялся.

Открыли его планеристы. <...>

После этого летчик Алексеев на самолете У-2 продемонстрировал номер: «первый самостоятельный вылет ученика на самолете» <...>

Полет всем очень понравился. Гости смеялись и аплодировали. Вслед за этим летчик Алексеев на том же самолете должен был показать штопор и посадку самолета при выходе из последнего витка. Вообще говоря, трюк этот многократно был прорепетирован. Но Алексеев увлекся, и, когда ему после нескольких витков штопора уже надо было выводить, он, по видимому, решил подвести машину еще ближе к земле, и все с ужасом увидели, как самолет в состоянии штопора скрылся за крутым берегом Москвы-реки. Гибель летчика была неизбежна. Фонтан брызг показал, что У-2 упал в реку. Туда помчались автомашины. Все находились в напряженном ожидании, но ждать пришлось недолго. На большой скорости с места происшествия подъехала санитарная машина, из нее, ко всеобщему изумлению, вылез живой, невредимый, крайне сконфуженный летчик Алексеев и отрапортовал Ворошилову:

– Товарищ народный комиссар! Летчик Алексеев потерпел аварию.

Он объяснил, что у него в последнюю минуту перед выводом из штопора нога соскользнула с педали.

Конечно, это было наивное объяснение. Летчик, зарвавшись, допустил грубейшую ошибку. Тем не менее все были очень рады, что он жив. Сталин подошел к нему, пожал руку и обнял.

Затем показали новые спортивные и учебные самолеты. Они, в том числе и наш УТ-2, взлетели один за другим и пошли в сторону деревни Павшино. Над Павшином на высоте 150–200 метров выстроились в одну линию, подошли к границе аэродрома, и тут летчики сразу дали полный газ. Машины стали обгонять одна другую, резко прибавляя скорость. Раньше всех отстала учебная старушка У-2. Потом начали отставать другие машины. УТ-2 вырвалась вперед и первой промчалась над центром аэродрома.

Сталин спросил, чья машина. Ему сказали, что машина конструктора Яковлева. И тут Ворошилов представил меня Сталину.

После посадки Пионтковский подрулил туда, где стояли Сталин и Ворошилов, и мы, взволнованные и радостные, начали рассказывать о своем самолете и его особенностях.

Сталин подошел ближе к машине, постучал пальцем по крылу.

– Дерево? – спросил он.

– В основном сосна и березовая фанера, – ответил я.

– Какая наибольшая скорость?

– 200 километров в час.

– А у самолета У-2?

– 150.

– А на какой машине лучше готовить летчиков для истребителей И-16? На У-2 или на этом? – спросил Сталин у толпившихся вокруг летчиков.

– Конечно, на этом, – зашумели все в один голос.

– А почему?

– Да ведь у этой скорость больше и она моноплан, так же, как И-16, а У-2 – биплан.

– Выходит, что надо переходить на эти, более современные машины? – Правильно, – в один голос ответили летчики.

– А на каком заводе строили вашу машину? – обратился Сталин ко мне.

– В кроватной мастерской на Ленинградском шоссе.

– Как-как?.. В кроватной?!

И тут я коротко рассказал о своих трудностях и о том, как наш конструкторский коллектив попал в кроватную мастерскую.

Сталин одобрил нашу работу. Потом поинтересовался, какой мощности мотор, нельзя ли увеличить скорость самолета и что для этого нужно сделать. Он заметил, что учебные машины должны быть такими, чтобы ими без труда могла овладевать масса летчиков.

Праздник был завершён прыжками парашютистов.

Показ оказался удачным. Наши гости, участники и организаторы праздника остались очень довольны и решили сфотографироваться на память об этом смотре, сыгравшем большую роль в развитии массового авиационного спорта в нашей стране. Образовалась большая группа, на которую фотографы и кинооператоры направили свои объективы. Я, помню, задержался около своего самолета и когда подошел, то был в замешательстве, потому что вся группа уже укомплектовалась. Сталин поманил меня пальцем, предлагая сесть поблизости от него. И положил на мое плечо свою руку. Так и запечатлел нас фотограф в этот замечательный момент моей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.